

НАПРАВЛЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЗАКРЫТОГО ТИПА

И.Г. Смирнова¹, В.В. Николук², Е.В. Марковичева², О.В. Качалова²

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 июня 2019 г.

Дата принятия в печать

7 октября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

31 октября 2019 г.

Ключевые слова

Уголовное судопроизводство;
уголовно-процессуальная
политика; назначение
уголовного судопроизводства;
несовершеннолетние осужденные;
специальное учебно-воспитательное
учреждение закрытого типа;
исполнение приговора

Аннотация. Неотъемлемой частью современной уголовной политики является уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних, направленная на разрешение уголовно-правового конфликта способами, наиболее соответствующими потребностям данных субъектов и обеспечивающими их реинтеграцию в общество. Назначение ювенального уголовного судопроизводства может быть связано с решением особых задач воспитательной направленности и требует особых процедур. К таким процедурам в российском уголовном судопроизводстве относится замена судом несовершеннолетнему осужденному уголовного наказания принудительными мерами воспитательного воздействия. Российская система принудительных мер воспитательного воздействия является сложной, и отдельное место в ней занимает наиболее строгая мера — направление несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести или тяжкое, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Отмечается, что законодательство регулирует вопросы использования данной меры в неполном объеме, что затрудняет ее применение судами. В статье приводятся статистические данные о численности несовершеннолетних, направленных судами в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, и анализируются причины редкого назначения указанной меры. Говорится, что в условиях отсутствия в России службы пробации суды не имеют возможности качественно разрешить вопросы, связанные с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа. Поддерживается инициатива Верховного Суда РФ по передаче этих вопросов в сферу административного судопроизводства, что должно иметь позитивные последствия как для судебной системы, так и для обеспечения прав несовершеннолетнего. Предлагается развивать два стратегических направления государственной уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних — отказаться от разрешения социально-педагогических, реабилитационных и медицинских вопросов пребывания несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа в рамках уголовного судопроизводства и детально регламентировать процедуру направления несовершеннолетнего в такое учреждение.

PLACING JUVENILE DELINQUENTS INTO RESIDENTIAL CORRECTIONAL SCHOOLS

Irina G. Smirnova¹, Vyacheslav V. Nikolyuk², Elena V. Markovicheva², Oksana V. Kachalova²

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Russian State University of Justice, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2019 June 5

Accepted

2019 October 7

Available online

2019 October 31

Abstract. An integral part of modern criminal policy is criminal procedure policy regarding juvenile delinquents, aimed at resolving a criminal law conflict in the ways that are most beneficial for these persons and that lead to their re-integration in the society. The purpose of juvenile criminal proceedings is connected with special educational tasks and requires special procedures. In Russian criminal proceedings, the court can substitute criminal punishment with compulsory educational measures as part of such procedures. Russian system of compulsory educational measures is complicated, and a special place is held by the most severe sanction — directing a juvenile guilty of a grave crime or a crime of medium gravity into a special residential correctional school. The authors note that the legislation does not fully regulate the application of this sanction, which hinders its use by courts. They also present statistical data on the number of juveniles who the courts place into special residential

Keywords

Criminal proceedings; criminal procedure policy; purpose of criminal proceedings; convicted juveniles; residential correctional school; execution of a sentence

correctional schools and analyze the reasons why this measure is seldom used. As there is no service of probation in Russia, the courts have no opportunity to find good solutions to the problems connected with a delinquent's stay in a residential correctional school. The authors support the initiative of the Supreme Court of the Russian Federation to transfer these problems to the sphere of administrative court procedure, which should both benefit the court system and promote the rights of minors. They argue for the development of two strategic spheres of state criminal procedure policy for juveniles — that criminal court procedure should no longer deal with resolving socio-pedagogical, rehabilitation and medical problems of a juvenile's stay in a residential correctional school, and that there should be a detailed procedure for placing a juvenile into such an institution.

В последнее время учеными все чаще ставится вопрос об эффективности современной уголовной политики, об эффективности и адекватности существующей системы наказаний, о действенности применения наказания для разрешения уголовно-правовых конфликтов [1]. Определение стратегии разрешения уголовно-правового конфликта с участием несовершеннолетних правонарушителей относится к приоритетным направлениям уголовной политики большинства современных государств. В полной мере данный тезис применим и к России. В частности, одной из задач государственной Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года¹ является снижение числа первичных и повторных правонарушений несовершеннолетних, что объективно требует совершенствования как законодательства, так и практики его применения.

Анализ статистических данных о преступлениях несовершеннолетних также свидетельствует о необходимости концептуального решения данной проблемы [2]. Только в 2018 г. в России было зарегистрировано 40 860 несовершеннолетних, совершивших преступления. Из них 24,6 % уже ранее совершали преступления. Всего в 2018 г. несовершеннолетними или с их участием было совершено 43 553 преступления, 22,3 % которых — тяжкие и особо тяжкие². Ежегодно в общем массиве таких статистических

данных фиксируется некоторое снижение числа преступлений, совершенных исследуемой группой (в пределах 3–4 %). Однако возникает закономерный вопрос: является ли такое снижение показателем успешной профилактической работы или связано с какими-то иными факторами? К сожалению, фиксируемая в отчетах правоохранительных органов позитивная динамика имеет две внешние причины. Первая — это декриминализация ряда уголовно-правовых деяний и перевод их из категории преступления в категорию административного правонарушения. На этот фактор исследователи обращают внимание уже на протяжении последних десяти лет [3]. И вторая причина — это уменьшение количества несовершеннолетних в общей структуре населения, что позволяет говорить уже не о снижении уровня преступности несовершеннолетних, а о том, что он «растет примерно в шесть раз быстрее, чем изменяется общее число этой возрастной группы» [4, с. 200]. По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, за последние десять лет (с 2008 по 2018 г.) численность молодежи 15–19 лет по отношению к общей численности населения в России сократилась с 7,34 до 4,64 %, т.е. более чем в 1,5 раза³. В таких условиях статистические данные свидетельствуют не о позитивной, а, скорее, о негативной тенденции.

Вовлечение несовершеннолетних в сферу преступной деятельности требует не только разработки действенной системы первичной профилактики, но и организации уголовного судопроизводства таким образом, чтобы учитывать специфику подростков, обеспечивать защиту их прав и реализовать более широкие цели. Примерно с середины XIX в. в качестве одной из задач уголовно-процессуальной политики многие государства стали рассматривать создание си-

¹ Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года (вместе с «Планом мероприятий на 2017–2020 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года») : распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2017 № г. 520-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 14. Ст. 2088.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 года. URL: <https://мвд.пф/reports/item/16053092>.

³ Официальная статистика. Население. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography.

стемы правосудия, максимально соответствующего решению специфичных задач, связанных с ресоциализацией юных правонарушителей. Во второй половине XX в. на международном уровне был признан приоритет воспитательных методов перед карательными применительно к несовершеннолетним. Воспитательная направленность ювенальной уголовно-процессуальной политики обеспечивает снижение рисков последующей криминализации и стигматизации.

Российское уголовное судопроизводство предусматривает достаточно сложную конструкцию назначения принудительных мер воспитательного воздействия по отношению к несовершеннолетним. Особое место в системе данных мер занимает помещение несовершеннолетнего осужденного в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ). Специалисты в области уголовного права обоснованно указывают на промежуточное положение данной меры между уголовным наказанием и собственно принудительными воспитательными мерами [5, с. 100].

В СУВУЗТ могут направляться две категории несовершеннолетних правонарушителей. Во-первых, это несовершеннолетние, совершившие уголовно наказуемые деяния до наступления возраста уголовной ответственности. Во-вторых, это несовершеннолетние, осужденные приговором суда, но освобожденные от уголовного наказания с направлением в такое учреждение. Очевидно, что это продиктовано стремлением государства оградить несовершеннолетнего от воздействия криминальной среды и не допустить совершения им повторно противоправного деяния [6]. Таким образом, в отношении первых применяется фактически административная процедура, тогда как в отношении вторых — уголовно-процессуальная, предполагающая постановление судом обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания и направлением несовершеннолетнего в СУВУЗТ [7].

Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа не являются уникальными структурами, присущими исключительно российской системе. В отечественных и зарубежных исследованиях описываются и исторические, и современные варианты таких воспитательных заведений. Зарождение ювенальной юстиции в США в XIX в. сопровождалось созданием воспитательных домов и реформаториев [8, р. 5]. В России в конце

XIX в. несовершеннолетний правонарушитель мог быть передан в монастырь или земледельческую колонию [9; 10]. Широкое распространение подобные заведения получили и в советский период отечественной истории. В 1920–1930-е гг. наблюдалось значительное разнообразие исправительно-трудовых учреждений для несовершеннолетних (школы-коммуны, институты трудового воспитания, реформатории, трудовые колонии и пр.). В целом «система исправительных детских учреждений была достаточно запутанной и не имела единой ведомственной принадлежности» [11, с. 20].

В современных государствах также существует практика направления несовершеннолетних правонарушителей по решению суда в различные воспитательные учреждения. Причем исследователи отмечают как позитивный, так и негативный опыт их функционирования [12–15]. Наличие подобных заведений логично вписывается в получившую распространение в XX в. стратегию реабилитации юных преступников.

Несмотря на наличие определенных исторических традиций, в современном российском уголовном судопроизводстве направление несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение не получило широкого распространения. С 2015 г. численность несовершеннолетних осужденных, направленных по приговору суда в СУВУЗТ, колебалась от 1,6 до 1,8 % от общего числа осужденных несовершеннолетних. Например, в 2018 г. в СУВУЗТ был направлен всего 301 несовершеннолетний⁴. Более гуманная, по сравнению с отбыванием наказания в воспитательной колонии, мера зачастую не воспринимается позитивно и подростками-правонарушителями, так как лишает их шанса на условное осуждение.

Такая ситуация в уголовном судопроизводстве сложилась по целому ряду причин, значительная часть которых находится вне плоскости уголовного процесса. В первую очередь это специфика российской законодательной техники, в силу которой уголовное и уголовно-процессуальное законодательство отличаются пробельностью и противоречивостью. Следует согласиться, что «в науке в настоящее время не сложилось однозначного мнения о юридической природе помещения несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреж-

⁴ Сводные статистические сведения о судимости в России за 2015, 2016, 2017, 2018 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

дение закрытого типа органа управления образованием. Повод к формированию различных подходов дает сам законодатель» [16, с. 142].

Сложной с правоприменительной позиции и дискуссионной с научной точки зрения является сама конструкция обвинительного приговора без назначения наказания. Современными учеными даже высказывается мнение о целесообразности отказа от такого приговора и замены его приговором с назначением наказания, но освобождением от отбытия [17]. Практической реализации такого предложения препятствует сложившаяся в российском уголовном праве концепция отграничения уголовной ответственности от уголовного наказания. Нельзя поставить знак равенства между принудительной мерой воспитательного воздействия и уголовным наказанием. В современном уголовном праве принудительные меры воспитательного воздействия — это особая форма реализации уголовной ответственности [18]. Между тем отметим, что это наиболее строгая мера, которая применяется в самом крайнем случае как альтернатива реальному лишению свободы и ориентирована на интенсивное предупредительно-воспитательное воздействие в условиях изоляции [19].

Отделение в Общей части Уголовного кодекса РФ направления несовершеннолетнего в СУВУЗТ от других принудительных мер воспитательного воздействия порождает терминологическую неопределенность и ведет к проблемам, связанным уже с применением норм процессуального законодательства, в частности закрепленных в ст. 432 и п. 16 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса РФ. С одной стороны, российский законодатель выделил направление несовершеннолетнего в СУВУЗТ как отдельную принудительную воспитательную меру, отличающуюся «своей комплексностью, систематичностью, индивидуально-личностным подходом со стороны педагогов, психологов, а также особым условием пребывания» [20, с. 86], с другой — не произвел необходимого разграничения на уровне уголовно-процессуальных норм. Заслуживают внимания предложения отдельных авторов, предлагающих закрепить норму о возможности направления несовершеннолетнего в СУВУЗТ только по результатам специального психолого-педагогического исследования, выполненного уполномоченным органом [21]. Однако уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такой

процедуры, и, более того, суд лишен возможности выбора даже вида учреждения.

Особенности деятельности СУВУЗТ и правовое положение находящихся в них несовершеннолетних регламентируются нормами других федеральных законов и подзаконных актов, которые характеризуются фрагментарностью и несистемностью. К сожалению, такая регламентация является неполной и несет в себе предпосылки для необоснованного ограничения прав несовершеннолетних осужденных [22]. Нормы подзаконных актов допускают ограничение общения несовершеннолетнего не только с близкими родственниками, но и в случае необходимости — с адвокатом, не предполагают возможности обращения несовершеннолетнего с жалобой в Европейский Суд по правам человека.

Фактором, сдерживающим направление судами несовершеннолетних в СУВУЗТ, является в том числе и неразвитость сети таких учреждений. На 1 января 2018 г. в России функционировало 19 федеральных и 29 региональных СУВУЗТ в 40 субъектах. Федеральные учреждения представлены специальными профессиональными образовательными организациями, а региональные — 1 специальной профессиональной образовательной организацией и 28 общеобразовательными школами. В 2017 г. в федеральных СУВУЗТ обучалось 1 804 подростка, в региональных — 1 465. К 1 января 2018 г. численность несовершеннолетних уменьшилась: в федеральных учреждениях насчитывалось 1 025 несовершеннолетних, из них 993 в возрасте 14–18 лет, в региональных — 1 005, из них 679 в возрасте 14–18 лет. В последние годы наметилась тенденция к сокращению числа данных учебных заведений.

Много проблем в судебной практике всегда возникало в связи с необходимостью осуществления судебного контроля за исполнением анализируемой принудительной воспитательной меры. Возможности суда здесь ограничены. Например, подростку, неоднократно без разрешения администрации покидающему СУВУЗТ, суд не вправе заменить данную меру уголовным наказанием. На практике это приводит к негативным последствиям, формируя у таких несовершеннолетних асоциальные установки и чувство безнаказанности. Наличие подобных проблем позволило поставить в отдельных исследованиях вопрос о возможности разрешения судом в порядке исполнения при-

говора вопросов, как улучшающих положение несовершеннолетнего осужденного (замена нахождения в СУВУЗТ более мягкой принудительной мерой воспитательного воздействия), так и ухудшающих его (замена принудительной меры воспитательного воздействия уголовным наказанием) [23, с. 349].

Предусмотренная ч. 4 ст. 432 УПК РФ возможность досрочного прекращения пребывания несовершеннолетнего в СУВУЗТ по медицинским основаниям не переходит в плоскость практической реализации, так как законодатель предусмотрел значительные временные интервалы для обращения с соответствующим ходатайством, на нормативном уровне не разрешил вопрос с повторным медицинским освидетельствованием несовершеннолетнего, самовольно прекратившим свое пребывание в учреждении.

Помещение несовершеннолетнего осужденного в СУВУЗТ не является самоцелью, а должно обеспечивать решение целого комплекса задач, связанных с его ресоциализацией, обучением, вторичной и третичной профилактикой правонарушений. Эти цели закономерно коррелируют с целями ювенального уголовного судопроизводства, итогом которого и может быть разрешение уголовно-правового конфликта без назначения виновному несовершеннолетнему уголовного наказания.

Безусловно, осуществление судом полноценного контроля за применением особой принудительной воспитательной меры, которой является направление в СУВУЗТ в порядке исполнения приговора, представляется фактически невыполнимым. Решению данной проблемы могло бы способствовать создание служб пробации. Во многих современных государствах накоплен достаточный опыт функционирования таких служб, в том числе и специализирующихся на несовершеннолетних правонарушителях. Сотрудники данных служб решают целый спектр задач, связанных не только с контролем за выполнением несовершеннолетним назначенной ему воспитательной программы, но и с оказанием ему содействия в реинтеграции в общество [24]. Применительно к России создание служб пробации пока только остается концептуальной задачей, поскольку разработанный Федеральной службой исполнения наказания проект соответствующего федерального закона не получил поддержки отечественного законодателя.

В таких условиях разумной представляется инициатива Верховного Суда РФ по исключению

вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в СУВУЗТ, из уголовно-процессуального производства с последующим их перемещением в плоскость административного судопроизводства. Подготовленные Верховным Судом РФ законопроекты предполагают внесение соответствующих изменений как в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, так и в иные федеральные законы. Позитивными последствиями таких изменений станет освобождение российского уголовного процесса от необходимости разрешать вопросы, по сути своей не являющиеся уголовно-процессуальными, а также создание единого административного порядка разрешения таких вопросов применительно как к несовершеннолетним осужденным, так и к несовершеннолетним, помещенным в СУВУЗТ в связи с совершением уголовно наказуемого деяния до наступления возраста уголовной ответственности.

В то же время реализация указанной инициативы потребует очень точной работы законодателя по снятию рисков трансформации административной процедуры рассмотрения вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в СУВУЗТ, в разновидность уголовного преследования, например при необходимости вернуть сбежавшего подростка. К сожалению, в отношении Российской Федерации в 2016 г. уже было вынесено решение Европейским Судом по правам человека по делу «Блохин против России»⁵, в котором ЕСПЧ признал, что помещение несовершеннолетнего в центр временного содержания для несовершеннолетних содержало в себе все признаки уголовного преследования. Необходимость качественной законодательной работы в этой связи очевидна, поскольку по каждому рассматриваемому делу ЕСПЧ анализирует нормы примененного национального законодательства [25].

Перевод вопросов, связанных с пребыванием в СУВУЗТ, в административное судопроизводство, логично вписывается и в общую тенденцию к снижению карательной составляющей в деятельности подобных учреждений и переходу к более конструктивным формам работы с несовершеннолетними правонарушителями. Еще в 2012 г. в докладе, подготовленном ЮНИСЕФ по результатам обобщения практики деятельности воспитательных учреждений для

⁵ Дело «Блохин (Blokhin) против Российской Федерации» (жалоба № 47152/06) : постановление ЕСПЧ от 23 марта 2016 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12.

несовершеннолетних правонарушителей в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, было признано, что спецшколы могут предоставить ценные услуги детям с поведенческими проблемами, но усилия государств должны быть направлены на создание условий для получения несовершеннолетними таких услуг по месту жительства⁶.

Преимущества воспитательных мер, назначенных несовершеннолетнему правонарушителю и не предусматривающих его изоляции, подтверждаются и зарубежными исследователями, справедливо указывающими на необходимость решения важнейшей задачи — интеграции таких несовершеннолетних в общество [26]. В отдельных работах с отсылками на значительный эмпирический материал наглядно демонстрируется роль отделения несовершеннолетнего от близкого ему социального окружения в последующей его криминализации [27]. Однако необходимо учитывать тот факт, что суды чаще всего направляют в СУВУЗТ тех несовершеннолетних осужденных, которые до этого воспитывались в крайне неблагополучной, маргинальной среде, оставление в которой будет иметь для несовершеннолетнего не менее негативные последствия.

В заключение отметим следующее. Российское уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних имеет воспитательную направленность и допускает разрешение уголовно-правового конфликта с участием такого субъекта без применения мер уголовной репрессии.

Направление несовершеннолетнего в СУВУЗТ является специфичной принудительной мерой воспитательного воздействия, ориентированной, с одной стороны, на изоляцию и установление ограничений для лиц, совершивших преступление средней тяжести или тяжкое, с другой — на их ресоциализацию, обучение, профессиональную подготовку.

⁶ Правосудие в отношении несовершеннолетних в странах Центральной Азии. Достижения и проблемы в ходе реформ в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/5638c8354.html>.

Процессуальный механизм направления несовершеннолетнего в СУВУЗТ требует своего совершенствования. Здесь перспективными видятся два направления. Во-первых, это «освобождение» уголовного процесса от тех вопросов, которые могут быть разрешены без применения тяжеловесного и дорогостоящего уголовного судопроизводства. В частности, это перенос вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в СУВУЗТ, в сферу административного судопроизводства с установлением дополнительных гарантий прав несовершеннолетних в таком производстве. Во-вторых, это детализация в рамках собственно уголовного процесса процедуры постановления обвинительного приговора в отношении несовершеннолетнего с освобождением его от наказания и направлением в СУВУЗТ. Такая детализация предполагает внесение изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство и подразумевает закрепление в нормах материального права принципа исключительности направления несовершеннолетнего в СУВУЗТ при невозможности освобождения его от уголовного наказания с применением более щадящей принудительной меры воспитательного воздействия; назначение судебно-психологической экспертизы, целью которой является получение заключения эксперта, содержащего рекомендацию по выбору вида учреждения для несовершеннолетнего, и, соответственно, закрепление за судом права определять в приговоре вид учреждения; закрепление права и обязанности суда установить в приговоре те ограничения, которым должен подвергаться несовершеннолетний в период пребывания в СУВУЗТ, что позволит в лучшей степени обеспечить защиту прав воспитанников и индивидуализацию педагогической деятельности.

В целом проблемы, связанные с направлением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение, требуют комплексного решения и предполагают не только реформирование законодательства, но и качественное реформирование самих учреждений, с тем чтобы они могли обеспечить интеграцию несовершеннолетнего правонарушителя в общество.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ишигеев В.С. Современная система наказаний в России и пути повышения их эффективности / В.С. Ишигеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2011. — № 4. — С. 16–20.
2. Корягина С.А. Анализ динамики состояния и структуры региональной преступности несовершеннолетних / С.А. Корягина // Российский следователь. — 2007. — № 10. — С. 15–18.

3. Юзиханова Э.Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России / Э.Г. Юзиханова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4 (30). — С. 82–88.
4. Шестакова Е.В. Роль центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей и специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в системе профилактики правонарушений / Е.В. Шестакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — № 4 (42). — С. 200–206.
5. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность / Ю.Е. Пудовочкин. — Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002. — 256 с.
6. Корягина С.А. Роль ювенальной политики в предупреждении преступности / С.А. Корягина // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних : материалы междунар. науч.-практ. конф., 23–25 сент. 2009 г. — Улан-Удэ, 2010. — С. 55–57.
7. Николук В.В. Решение судом вопросов, связанных с направлением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: уголовно-процессуальные и организационно-правовые проблемы / В.В. Николук, Е.В. Марковичева. — DOI: 10.17223/15617793/428/31 // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 428. — С. 230–235.
8. Juvenile Justice: A Guide to Theory, Policy and Practice / S.M. Cox, J.M. Allen, R.D. Hanser, J.J. Conrad. — Los Angeles : SAGE Publications, 2010. — 467 p.
9. Скрипченко Н.Ю. История становления и развития законодательства, регулирующего помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа / Н.Ю. Скрипченко // Право и образование. — 2014. — № 10. — С. 150–159.
10. Синова И.В. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних на рубеже XIX–XX веков / И.В. Синова // Общество. Среда. Развитие. — 2012. — № 1. — С. 55–59.
11. Смирнова Т.М. Детские дома и трудколони: Жизнь «государственных детей» в советской России в 1920–1930-е гг. / Т.М. Смирнова // Вестник РУДН. Сер.: История России. — 2012. — № 3. — С. 16–38.
12. Турэ де Куси Ф. Воспитательное воздействие в системе правосудия по делам несовершеннолетних во Франции / Ф. Турэ де Куси // Вопросы ювенальной юстиции. — 2008. — № 3. — С. 13–15.
13. Shoemaker D.J. International Handbook on Juvenile Justice / D.J. Shoemaker. — Westport : Greenwood Publishing Group, 1996. — 327 p.
14. Young S. Juvenile Delinquency, Welfare, Justice and Therapeutic Interventions: A Global Perspective / S. Young, B. Greer, R. Church. — DOI: 10.1192/pb.bp.115.052274 // BJPsych Bulletin. — 2017. — Vol. 41, iss. 1. — P. 21–29.
15. Корягина С.А. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия / С.А. Корягина // Академический юридический журнал. — 2007. — № 1 (27). — С. 35–42.
16. Кара С.В. Некоторые аспекты правовой природы помещения несовершеннолетнего в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа / С.В. Кара // Вестник Брянского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 142–145.
17. Звечаровский И.Э. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 92 УК РФ) / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. — 2016. — № 2. — С. 35–39.
18. Горобцов В.И. О совершенствовании правового регулирования принудительных мер воспитательного воздействия / В.И. Горобцов // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики : сб. науч. тр. — Красноярск, 2003. — С. 57–65.
19. Стяжкина С.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних: понятие, содержание и форма реализации / С.А. Стяжкина, Л.В. Ложкина // Вестник Удмуртского государственного университета. Сер.: Экономика и право. — 2005. — № 2. — С. 19–26.
20. Корягина С.А. Актуальные проблемы назначения принудительных мер воспитательного воздействия / С.А. Корягина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 1 (15). — С. 82–88.
21. Новиков Р.В. Институт применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним нуждается в совершенствовании / Р.В. Новиков // Вопросы ювенальной юстиции. — 2007. — № 5. — С. 26–29.
22. Коблева М.М. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в контексте международно-правовых стандартов обращения с несовершеннолетними правонарушителями / М.М. Коблева // Российское правосудие. — 2014. — № 9. — С. 81–92.
23. Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.И. Качалов. — Москва, 2017. — 492 с.
24. Umamaheswar J. Bringing Hope and Change: A Study of Youth Probation Officers in Toronto / J. Umamaheswar. — DOI: 10.1177/0306624X12445986 // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2012. — Vol. 57, № 9. — P. 1158–1182.
25. Качалова О.В. Правовые позиции Европейского суда по правам человека: уголовно-процессуальный аспект / О.В. Качалова // Российское правосудие. — 2015. — № 4 (108). — С. 98–103.
26. Rutherford A. Youth Justice and Social Inclusion / A. Rutherford // Youth Justice. — 2002. — Vol. 2, iss. 2. — P. 100–107.
27. Kovacheva G.D. The security right of juvenile delinquents / G.D. Kovacheva // Globalization, the State and the Individual. — 2017. — № 2. — P. 133–138.

REFERENCES

1. Ishigeyev V.S. Modern System of Punishment in Russia and Ways of Improving its Efficiency. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2011, no. 4, pp. 16–20. (In Russian).

2. Koryagina S.A. Analysis of the dynamics of the condition and structure of regional juvenile delinquency. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2011, no. 10, pp. 15–18. (In Russian).
3. Yuzikhanova E.G. Statistical Indicators and Trends in Juvenile Delinquency in Modern Russia. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 4 (30), pp. 82–88. (In Russian).
4. Shestakova E.V. The Role of the Juvenile Detention Centers and Special Educational Institutions of a closed Type in the System of Crime Prevention. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 4 (42), pp. 200–206. (In Russian).
5. Pudovochkin Yu.E. *Otvetstvennost' nesovershennoletnikh v ugovnom prave: istoriya i sovremennost'* [Responsibility of Minors in Criminal Law: History and Modernity]. Stavropol State University Publ., 2002. 256 p.
6. Koryagina S.A. The role of juvenile policy in crime prevention. *Yuvenal'naya yustitsiya i problemy zashchity prav nesovershennoletnikh. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 23–25 sentyabrya 2009 g.* [Juvenile Justice and the Problems of Protecting the Rights of Minors. Materials of International Research Conference, September 23–25, 2009]. Ulan-Ude, 2010, pp. 55–57. (In Russian).
7. Nikol'yuk V.V., Markovicheva E.V. The Solution of Issues Dealing with Sending Minors to Special Closed Educational and Rehabilitative Institutions by Court: Criminal Procedural, Organizational and Legal Problems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2018, no. 428, pp. 230–235. DOI: 10.17223/15617793/428/31. (In Russian).
8. Cox S.M., Allen J.M., Hanser R.D., Conrad J.J. *Juvenile Justice: A Guide to Theory, Policy and Practice*. Los Angeles, SAGE Publications, 2010. 467 p.
9. Skripchenko N.Yu. The history of the emergence and development of legislation regulating the procedure for placing a juvenile into a residential correctional school. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2014, no. 10, pp. 150–159. (In Russian).
10. Sinova I.V. Correctional Institutions for Minors at the Turn of the 20th Century. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development*, 2012, no. 1, pp. 55–59. (In Russian).
11. Smirnova T.M. Orphanages and «Trudkoloniyas» (Work-Houses): «State Children» Life in Soviet Russia in 1920–1930s. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii = RUDN Journal of Russian History*, 2012, no. 3, pp. 16–38. (In Russian).
12. Ture de Coucy F. Educational Impact in the Juvenile Justice System in France. *Voprosy yuvenal'noi yustitsii = Issues of Juvenile Justice*, 2008, no. 3, pp. 13–15. (In Russian).
13. Shoemaker D.J. *International Handbook on Juvenile Justice*. Westport, Greenwood Publishing Group, 1996. 327 p.
14. Young S., Greer B., Church R. Juvenile Delinquency, Welfare, Justice and Therapeutic Interventions: A Global Perspective. *BJPsych Bulletin*, 2017, vol. 41, iss. 1, pp. 21–29.
15. Korjagina S.A. Practice of Application of Compulsory Measures of Educational Influence. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2007, no. 1 (27), pp. 35–42. (In Russian).
16. Kara S.V. Some Aspects of the Legal Nature of the Placement of a Juvenile in a special Educational Custodial Institution-ization. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bryansk State University Herald*, 2013, no. 2, pp. 142–145. (In Russian).
17. Zvecharovsky I.E. Finding Guilty with no Punishment Imposed (Article 92 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 2, pp. 35–39. (In Russian).
18. Gorobtsov V.I. On improving the legal regulation of compulsory educational measures. *Aktual'nye problemy teorii ugovnogo prava i pravoprimeritel'noi praktiki* [Topical Issues of the Theory of Criminal Law and the Practice of Law Enforcement]. Krasnoyarsk, 2003, pp. 57–65. (In Russian).
19. Styazhkina S.A., Lozhkina L.V. Criminal Responsibility of Minority: Definition, Content and Form of Realization. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2005, no. 2, pp. 19–26. (In Russian).
20. Koryagina S.A. Actual Problems of Imposition of Compulsory Measures of Educational Influence. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 1 (15), pp. 82–88. (In Russian).
21. Novikov R.V. The institute of using compulsory educational measures for minors needs improvement. *Voprosy yuvenal'noi yustitsii = Issues of Juvenile Justice*, 2007, no. 5, pp. 26–29. (In Russian).
22. Kobleva M.M. Placement of Minors into Special Custodial Childcare Institutions in Context of International Legal Standards for Treatment of Juvenile Offenders. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2014, no. 9, pp. 81–92. (In Russian).
23. Kachalov V.I. *Proizvodstvo po ispolneniyu itogovykh sudebnykh reshenii v rossiiskom ugovnom protsesse. Dokt. Diss.* [Proceedings of executing final court decisions in Russian criminal process. Doct. Diss.]. Moscow, 2017. 492 p.
24. Umamaheswar J. Bringing Hope and Change: A Study of Youth Probation Officers in Toronto. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2012, vol. 57, no. 9, pp. 1158–1182. DOI: 10.1177/0306624X12445986.
25. Kachalova O.V. Legal Views of the European Court of Human Rights: Criminal Proceedings Aspect. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2015, no. 4 (108), pp. 98–103. (In Russian).
26. Rutherford A. Youth Justice and Social Inclusion. *Youth Justice*, 2002, vol. 2, iss. 2, pp. 100–107.
27. Kovacheva G.D. The Security Right of Juvenile Delinquents. *Globalization, the State and the Individual*, 2017, no. 2, pp. 133–138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Ирина Георгиевна — заместитель директора Института государства и права Байкальского государственного университета по научной работе, заведующий

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smirnova, Irina G. — Deputy Director for Research, Institute of State and Law, Baikal State University, Head, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Doctor

кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Николюк Вячеслав Владимирович — главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: nvv56@mail.ru.

Марковичева Елена Викторовна — главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: markovicheva@yandex.ru.

Качалова Оксана Валентиновна — заведующий отделом проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: oksana_kachalova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Направление несовершеннолетних осужденных в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа / И.Г. Смирнова, В.В. Николюк, Е.В. Марковичева, О.В. Качалова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).837-845 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 5. — С. 837–845.

of Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Nikolyuk, Vyacheslav V. — Senior Research Fellow, Department of the Problems of Criminal Procedure, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: nvv56@mail.ru.

Markovicheva, Elena V. — Senior Research Fellow, Department of the Problems of Criminal Procedure, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: markovicheva@yandex.ru.

Kachalova, Oksana V. — Head, Department of the Problems of Criminal Procedure, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: oksana_kachalova@mail.ru.

FOR CITATION

Smirnova I.G., Nikolyuk V.V., Markovicheva E.V., Kachalova O.V. Placing juvenile delinquents into residential correctional schools. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 837–845. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).837-845. (In Russian).